

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДНЕ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Тамара
Соломсторжская

В календаре россиян появилась новая красная дата — 4 ноября мы отмечаем День народного единства. Мнения, которые высказываются по этому поводу в средствах массовой информации, не единодушны. Да и комментарии экспертов-историков зависят, главным образом, от политической ориентации.

Сегодня издаётся много литературы, авторы которой рассуждают о гражданском обществе и о необходимости его построения в России. При этом в качестве примера приводится гражданское общество США и подчёркивается тщетность попыток создания аналогичного общества в нашей стране. Если ограничиться только этими сведениями, то получается, что путь россиян в прошедшие века был устремлён исключительно к событиям 12 декабря 1993 года, когда была принята Конституция Российской Федерации и начался новый отсчёт времени, свершений и дел. Подспудно нас убеждают в том, что если бы не современные демократы, предложившие нам западную модель выборов, мы и не знали бы о настоящих выборах и выборных органах власти.

Знания о гражданских свободах и свободных выборах подрастающему поколению необходимы, но, думаю, было бы целесообразно знакомить школьников и с собственным, российским опытом реформирования государственного управления. Каждое государство обладает своим пониманием социальных обязательств и специфических механизмов, обеспечивающих социальные права граждан. Социальные доктрины переплетаются с важнейшими общефилософскими представлениями о естественном праве, правовом государстве, личной и коллективной ответственности, с религиозными, культурными традициями. Изучают ли школьники историю с этих позиций? По мнению дореволюционного историка В.О. Ключевского (1841—1911), историческое знание нужно не только для того, чтобы иметь представление о том, что наши предки успели сделать, но и о том, чего они не успели: «их недоимки — наши задачи». В научно воспроизведённой истории народа, считал знаменитый историк, как в приходно-расходной книге подсчитываются недочёты и передержки прошлого. Именно такой подход к истории Отечества, по мнению Василия Осиповича, может предохранить как от косности, так и от торопливости. Но Ключевский не дожил до Октябрьской революции 1917 года, когда восторжествовал иной принцип: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы свой, мы новый мир построим: кто был ничем — тот станет всем». Но и современные преобразователи России, осуждая кавалерийские наскоки советской власти, не последовали «бухгалтерскому подходу к истории», рекомендованному Ключевским. На счётах истории все достижения советской власти за 70 лет они смахнули вместе с изъянами и передержками. И начали заново строить государственность (по американскому образцу). А что же наша история, может ли она чему-нибудь нас научить?

Изжить комплекс исторической ничтожности

Как учитель граждановедения (такой курс появился в школьных программах в перестроечное время), я на уроках многие годы обращалась к событиям Великой смуты. Привлекая внимание школьников к этому периоду, стремилась познакомить их с отечественным опытом и привлечь их внимание к высокой гражданственности народа, сплотившегося вокруг не облечённых властью людей: Минина и Пожарского. В качестве источника использовала «Элементарный курс для изучения русской истории»

М. Острогорского. Его учебник для школьников младшего возраста составлен в конце XIX века и переиздавался в дореволюционное время 30 раз. Учитывая, что по образованию автор — юрист и при работе над своим трудом использовал правовые источники, я выделяла из этого курса аспекты, касающиеся возникновения и изменения русской государственности, сравнивая её, по возможности, с государственностью США. Последняя возникла в результате колонизации североамериканских земель людьми, сознательно покинувшими Англию в поисках самостоятельности и независимости, т.е. изначально социально-активными. Они предпринимали путешествие через океан на свой страх и риск в надежде обрести личную свободу и устроить свою судьбу по собственному усмотрению. Российская государственность складывалась по-другому. Русский народ на протяжении веков обладал гораздо меньшей свободой, чем европейские народы. Исторические летописи свидетельствуют, что первыми, кто попытался возродить на Руси самоуправление населения, стали сами цари. Введением кое-какой «демократии» они пытались укрепить свою власть. Самодержец в одиночку не в силах был контролировать своих наместников, которых он посылал управлять городами и весями. Народ глухо ворчал, и его недовольство прорывалось в диких, кровавых бунтах — бессмысленных и жестоких. Но именно благодаря народу, его самоотверженности и самопожертвованию Россия сохраняет свою государственность. Период, вошедший в нашу историю под названием Великой смуты, особенно показателен. Обратимся к событиям того времени, изложенных в учебнике Острогорского и драме Пушкина «Борис Годунов».

Острогорский считает, что поводом к смуте стало прекращение царского рода, произошедшего от Рюрика, и приостановление обычного порядка престолонаследия.

В 1598 году умер Фёдор Иоаннович. Он был бездетным, и наследовать ему должен был его младший брат Дмитрий. Но его уже не было в живых. В народе ходила молва, что Дмитрий был убит и что убийц подослал Борис Годунов, надеявшийся сделаться царём после бездетного Фёдора. В действительности, так и произошло: после смерти Фёдора Иоанновича в Москве собрались выборные люди из разных городов и выбрали на царство Годунова — шурина умершего царя (шурин — муж сестры). Опыт ведения государственных дел он приобрёл во время правления кроткого Фёдора Иоанновича, о чём один из героев драмы Пушкина «Борис Годунов» — Шуйский — говорит так:

«... Но царь
На всё глядел глазами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова».

В учебнике читаем: «После бурных времён Грозного страна отдохнула благодаря Борису. Он построил на границах укрепления для защиты от неприятеля, заселял пустынные местности на южной окраине. Понимая пользу просвещения для России, Годунов стремился сблизить её с образованными народами Западной Европы. Он приглашал иноземцев, дал иностранным купцам право беспопышлиной торговли с Россией и выстроил в Архангельске пристань для иностранных кораблей. Со времён Иоанна Грозного к нам стали приезжать, через Белое море, английские и голландские купцы. Выбранный на царство, Годунов по-прежнему много старался о спокойствии и безопасности русской земли, заботился о народе. Был умён, Россией правил очень искусно».

Но правление его, отмечает Острогорский, было несчастливим: «Бояре его ненавидели за то, что он, человек иноплеменного происхождения, выскочка успел сделаться царём, обойдя родовитых русских бояр, и правил самовластно, не советуясь с ними». У Пушкина об этом говорит Воротынский:

Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древню отрасль
Воинственных властителей своих.

Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом и любовью,
И славою народ очаровать.

В то же время в России случился сильный голод и моровое поветрие, от них погибло много народу. В драме Пушкина Борис Годунов говорит об этом так:

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет в моей душе.
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!

В народе пошли волнения, стали припоминать смерть царевича Дмитрия и распускать слухи, что Дмитрий жив, а что вместо него был убит другой мальчик. И действительно скоро появился в Польше человек, который объявил себя царевичем Дмитрием.

Кем был Лжедмитрий I на самом деле, говорит автор учебника, неизвестно до сих пор. Весьма вероятно, что он и сам верил в своё царское происхождение. От появления соперника царю Борису должна была произойти смута в России, и за это ухватились поляки. Между Россией и Польшей давно уже шла вражда за пограничные области, поэтому Лжедмитрия поддержали польский король, паны и католическое духовенство. Король позволил Лжедмитрию набрать в Польше войско, помог ему деньгами, а за это взял с него обещание уступить Речи Посполитой несколько русских областей.

В короткое время около Лжедмитрия собралось значительное войско: промотавшиеся дворяне, неоплатные должники, искатели приключений. Острогорский в учебнике пишет, что «с Дона пришло ещё несколько тысяч казаков».

В 1604 году самозванец со своим войском вступил в Россию, чтобы отнять у Бориса престол. Города один за другим сдавались Лжедмитрию. Но в некоторых местах царские воеводы смогли дать ему достойный от-

пор, пока на беду скоропостижно не скончался царь Борис. В драме «Борис Годунов» к народу в такой момент обращается предок поэта Пушкин:

Московские граждане!
Мир ведаёт, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов — и весь честной народ.
Вы ль станете упрямитесь безумно
И милостей кичливо убежать?
Но он идёт на царственный престол
Своих отцов — в сопровожденье грозном.
Не гневайте царя и бойтесь бога.
Целуйте крест законному владыке.

Народ

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец!

Народ счёл смерть Годунова божьей карой за похищение престола и признал Лжедмитрия царём. Из учебника Острогорского узнаем, что новый царь выказал большой ум и способности к государственным делам. Он дал льготу духовенству, увеличил жалованье служилым людям, запретил потомственное холопство. Он сделал суд бесплатным, отменил пошлины за торговлю и промыслы, старался уничтожить взяточничество и злоупотребления чиновников, задумал разные перемены на Руси и особенно помышлял о распространении образования. Не нравилось народу только то, что он жил не по старине, нарушал старинные русские обычаи и дружил с поляками-католиками, которые вели себя в Москве буйно, причиняли жителям разные насилия. Этим воспользовались бояре, недовольные тем, что новый царь не давал им власти. Они стали распускать слухи, что на престоле сидит не настоящий православный царь, а самозванец и еретик. В Москве произошло восстание, Лжедмитрий был убит.

После смерти Лжедмитрия бояре выбрали царём Василия Шуйского, предводителя

Лжедмитрий I

восстания против самозванца, и взяли с него обещание, что он не будет править самовластно. Бояре добились своего, но спокойствие в стране не восстановилось. Низшие сословия восстали против нового царя и боярской знати. Поднялись и тяглые люди, ища выхода из своей горькой доли. К дворянскому ополчению присоединилось войско, образовавшееся из холопов, беглых крестьян и казаков.

Ещё прежде, чем усмирено было это восстание, явился человек, о котором шли слухи, что он царь Дмитрий, вторично спасшийся. С помощью поляков этот самозванец собрал большое войско из разных искателей приключений, холопов, казаков и нескольких польских отрядов. Двинулся на Москву. По дороге он разбил высланное против него царское войско, многие города перешли на его сторону. Он разбил лагерь в нескольких местах от столицы, в селе Тушине, от чего и получил прозвание «Тушинского вора». Тушинцы проводили время в разгуле и в буйствах, а многие из них разбрелись большими шайками по стране и разоряли города. Польские отряды стали осаждать Троице Сергиев монастырь. 16 месяцев длилась осада. Но тушинцы потерпели поражение от царского войска под предводительством царского племянника Скопина-Шуйского.

Вскоре явился новый враг: в Россию вторгся польский король Сигизмунд III. Поляки разбили войско царя Василия Шуйского и свергли его с престола.

После свержения Шуйского Русь осталась совсем без царя. Неурядица настала полная. Самозванец всё ещё угрожал столице. Поляки осаждали Смоленск. В Москве многие бояре и люди других сословий присягнули польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III, предпочитая его самозванцу. Польский отряд впущен был в столицу, а к польскому королю, осаждавшему Смоленск, отправлены были послы, чтобы окончательно договориться относительно принятия его сына Владислава на царство.

Тогда в русских людях заговорило народное чувство, и они решили стать за родную страну против иноземцев. Патриарх

Гермоген разрешил москвичей от присяги Владиславу и стал созывать людей всех сословий на защиту православия. Он рассылал о том грамоты по разным городам. Из разных мест двинулись ополчения к Москве. Во главе их стал рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. Польский отряд, засевавший в Москве, бесчинствовал там, бил безоружный народ и, наконец, сжег большую часть города. Престарелого патриарха Гермогена посадили под стражу. Русское ополчение, пошедшее на освобождение Москвы, распалось. Между тем на русскую землю напали и шведы, которые взяли Новгород. А в Пскове объявился новый самозванец. По всей стране разбойничали казацкие шайки.

Бедствия русской земли дошли до крайности. Россия, казалось, погибла. Но тут в разных концах страны нашлись мужественные люди, которые подняли новое ополчение для спасения родины. Во главе этих людей были патриарх Гермоген, продолжавший действовать из своего заточения, и Дионисий, архимандрит Троице-Сергиевого монастыря, с келарием Авраамием Палицыным. Они неутомимо рассылали по всем городам грамоты, в которых призывали народ к спасению веры и Отечества.

Одна из грамот попала в Нижний Новгород и была прочитана в соборе. На всенародной сходке у собора выступил выборный земский староста Кузьма Минин, мясной торговец, и сказал: «Если в самом деле хотим помочь московскому государству, ополчимся стар и млад, найдём людей ратных, не пожалеем ничего, продадим дома свои, заложим жён и детей и выкупим отечество». Нижегородцы послушались Минина и начали вооружаться. Каждый нёс на городскую площадь всё, что мог: кто платье, кто деньги, кто посуду. Сам Минин отдал все свои деньги, украшения жены и даже золотые и серебряные ризы с икон.

Весть об этом разошлась по другим городам, и ратники толпами приходили в Нижний. Многие города присылали деньги. По совету Минина начальство над войском было дано князю Пожарскому. Весной

1612 года, когда в Нижнем Новгороде собралось войско, Пожарский с Мининым выступили в поход. Дорогою к нижегородскому ополчению присоединялись рати других городов, и все они двинулись к Москве. Поляки потребовали от заточенного Гермогена, чтобы он остановил ополчение. Гермоген ответил: «Да будут благословенны те, которые идут для освобождения Москвы». Вскоре после этого Гермоген умер. Два месяца осаждал Москву Пожарский. На помощь полякам направлено было новое войско. Но Пожарский не допустил его до города, и после трёхдневного боя польское войско повернуло назад. А засевших в городе поляков сильный голод вынудил сдать. Пожарский с торжеством вступил в город. Вслед за тем в Москву собрались выборные люди от всей земли русской для избрания царя. После продолжительных совещаний собор единогласно предложил престол 16-летнему Михаилу Феодоровичу Романову, сыну Филарета (Феодора Никитича). Это случилось 21 февраля 1613 года.

Есть предание, что поляки, узнав об этом избрании, решили убить Михаила. Для этого одна польская шайка отправилась в Ипатьевский монастырь (ныне Костромская губерния), где жил Михаил со своей матерью. Дорогой они встретили крестьянина из села Домнина, Ивана Сусанина, и попросили его провести их к монастырю. Сусанин догадался, зачем они идут, и вывел их в непроходимый лес. Поляки убили за то Сусанина, но скоро и сами погибли в лесу от голода и холода. В царствование императора Николая I (1825–1855) Сусанину был поставлен памятник в Костроме, и М.И. Глинка посвятил ему оперу. Не были забыты потомством и Минин с Пожарским. Лет через сто после Смутного времени император Пётр Великий, будучи в Нижнем Новгороде, спросил, где гробница Минина. Ему показали. Тогда великий император пал ниц перед останками мясного торговца, говоря: «Здесь лежит спаситель отечества». В царство Александра I Минину и Пожарскому поставлен памятник в Москве (1818 г.) работы скульптора Мартоса.

Специфика российской государственности

На исходе XVII века на престол сел Пётр I (1672–1725), который начал реформировать страну на европейский манер. Он попытался освободиться от самодуров-наместников и передать местные дела выборным от населения органам. Некоторые города решились на эксперимент, но их выборные бургомистры и городские советники оказались ещё хуже царских наместников («воруют также, и при этом знают, как и что воровать»). Города один за другим стали слать царю жалобные просьбы избавить их от этой иноземной заразы — выборов.

Не удалось и Екатерине Великой привлечь подданных к управлению государством. Все свои надежды по-европейски цивилизовать Российскую империю она возложила на внука — Александра. Ему в воспитатели выписали известного швейцарского общественного деятеля — республиканца Лагарпа. Юный царь взошёл на престол убеждённым противником деспотизма. Но русское общество осталось равнодушным к перспективе получения гражданских прав и свобод. Общее настроение образованных (передовых) людей того времени лучше всех выразил А.С. Пушкин:

«Из Пиндемонти»

Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружилась голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне — свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура
Всё это, видите ль, слова, слова, слова».

Эти строки, написанные поэтом в 1836 году, звучат злободневно и сегодня. Наши так называемые независимые СМИ постоянно пишут о правах

и свободах. И в центре их внимания — свобода слова. Спору нет, она нужна. Но, сосредоточившись только на этой проблеме, СМИ уподобились тетеревам, которые, когда токуют, закрывают глаза и не видят, что происходит вокруг. Так, 4000 неправительственных организации (НПО), поддерживаемых правительством США и их частными фондами, работают на территории России, прикрываясь озабоченностью прав отдельных личностей, гуманитарной помощью убогим и сирым, экологическим контролем за состоянием окружающей среды в нашей стране.

В 2006 году конгресс США выделил 20 млрд долларов на финансирование международных фондов, в том числе 4 млн работающим на территории России. Средства эти идут, в частности, и на образовательные программы. Так, переведены на русский язык учебники по гражданскому образованию для юных россиян, чтобы научить их быть хозяевами своей страны.

И в этом не было бы ничего плохого — российское общество нуждается в гражданах, которые осознают личную ответственность за свою судьбу и активно участвуют в управлении государством. Но, к сожалению, переводные учебники создают разительный контраст между теорией и окружающей действительностью. И неубедительность учителей порождает цинизм учеников. Для овладения правовой культурой, т.е. умением применять знания в окружающей среде, необходимо разбудить правовое сознание, позволяющее критически анализировать явления современной жизни и делать самостоятельные умозаключения. И было бы продуктивнее знакомить подрастающее поколение с отечественным опытом и учить анализировать причины ошибок и неудач в сопоставлении с существующими системами в других странах, чем оголтело навязывать «западные достоинства» демократии, как это делается всё последнее время

либеральными средствами массовой информации. Нельзя воспитать гражданина страны, если не научить подрастающее поколение осваивать чужой опыт творчески, не перечёркивая тысячелетний опыт государственного строительства России.

Многое не устраивает россиян в сегодняшней жизни, но красиво рассказывать о порядках, по которым живут в высокоразвитых странах, — одно, а реализовать их — другое. Я же придерживаюсь мысли А.С. Пушкина, что «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой, её история требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада». Это не значит, что мы должны враждовать или изолироваться от других стран. Торговый обмен, взаимное знакомство с культурными ценностями, освоение современных научных и технических достижений — вот поле общих интересов. Но «ломать через колено» национальный характер по образцу иного народа, — это не продуктивно. А наши реформаторы хотели бы видеть своих соотечественников социально активными и жизнерадостными, как американцы; трудолюбивыми и пунктуальными, как немцы. Можно отыскать множество достоинств и у других народов, но, ставя любые цели, каждый творческий человек принимает в расчёт исходные данные. У кого-то в естественной среде растут и ананасы. Конечно, некоторым российским вельможам в своих оранжереях когда-то тоже удавалось их вырастить, но населению приходилось довольствоваться тем, что уготовила естественная среда. Она же сформировала и национальную кухню, и национальный характер.

Так когда же мы начнём учитывать собственную среду, давшую такой национальный характер, с которым удалось создать и великую культуру, и самобытную историю? Найдётся ли в наши дни «историк-бухгалтер», о чём говорил

Ключевский, который научно разнесёт достижения и недоимки государственного строительства России и выведет результат сегодняшнего дня, помогающий определиться с возрождением гражданственности?

Воскрешая события Великой смуты, внимание своих учеников я направляю не на поляков, литовцев и шведов, призванных высокородными соотечественниками на наши земли, а на народ, который на исходе Смутного времени проявил «свободный почин» и «издал, наконец, свой великий сторожевой клич и, сразив врага спонтанным порывом всех скрытых сил своего существа», установил новый порядок.

В заключение вернусь к празднику — Дню народного единства. В усло-

виях сегодняшнего раздора ему важно придать смысл, который бы способствовал возрождению народного духа и напомнил властителям дум о задачах истинной демократии. Настойчивое подчёркивание нашего отставания во всём рождает настроение беспросветности. Нам нужны положительные примеры для поднятия духа народа и процесса созидания, которые могут объединить силы общества на укрепление государственности и порядка. И один из них — из времён четырёхсотлетней давности. Я поддерживаю этот почин и надеюсь, что общими усилиями мы преодолеем смуту наших дней, и День народного единства укоренится в общественном сознании и жизни. **НО**

Фрагмент памятника Чуксина «Тысячелетие России». Михаил Романов, Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин.

